

МАЛЕНЬКИЕ ДЕЛА

Одна женщина по любому поводу обращалась за помощью к Господу. Пойдёт на рынок и просит:

— Помоги мне, Господи, хороших горшков купить, чтоб не трескались и не текли.

Начнет кашу варить и приговаривает:

— Дай Бог, чтобы каша не разварилась да не подгорела.

Станет носки вязать и опять:

— Помоги, Господи связать в срок хорошие носочки.

Как-то взялась она кудель прясть, перекрестилась на икону и говорит:

— Помоги мне, Господи, кудельку мою ладно спрясть, чтоб как раз к Покрову управиться.

Вот ей муж и говорит:

— Что ты, мать, часто Господа тревожишь, с куделью да с горшками ему досаждаешь, отвлекаешь по всяким пустякам. На себя больше надейся. Что ты, без Бога кудель свою не спрядёшь? Сказано же было: “Не поминай Господа нашего всеу”.

— Какая же это всеу?! — всплеснула руками женщина. — На себя только чёрт надеется. Мне Бог во всякой работе помогает.

— Бог, Он работник, что ли, чтоб звать его кудель прясть да люльку качать?

— Бог — великий работник, — отвечает.

— То-то и оно, что великий, а ты его ко всяким своим маленьким делам призываешь, — покачал головой муж.

— На моём веку великих-то дел и не будет вовсе: всё горшки, да каши, да кудель, да люлька. Значит, Господь судил мне маленькими делами спастись. Неужели только те, кто большие дела делают, имя Господне призывать могут и о помощи его просить? Бог милосерден, Он всякого слушает и в маленьких делах помогает, и через маленькие дела спасает.

— Смотри-ка, речиста стала, разумные речи говоришь, — подивился он.

— Не я — Господь мне помог. Ведь я сижу да приговариваю про себя: “Помоги мне, Господи, по уму и по истине мужу ответить”. Хоть и маленькое это дело, а Бог помог, вразумил меня.

МОЛЧАНИЕ

Старый монах Паисий принял обет молчания ради постоянной умной молитвы. Видели иноки, как через эту молчаливую молитву он просветился зримо. Лик его сиял: посидишь рядом с ним — и будто в благодать окунёшься.

Юный послушник Никодим, глядя на него и желая стяжать такую же благодать, тоже принял обет молчания. Слова не скажет, все дни в молчании проводит. Утром придёт к настоятелю за послушанием: молча стоит, ждёт; получит урок, поклонится и уйдёт работу свою делать. Братия с уважением к обету инока относилась. Только блаженный монах Савва, как увидит Никодима, руками замашет, закудахчет, закричит громко: “Клушка-пеструшка молчала-молчала, пока яйцо не снесла, а снесла — закудахтала! Кудах-тах-тах! Кудах-тах-тах!” — и начнёт он прыгать вокруг Никодима да головой вертеть, руками махать, будто крыльями. В другой раз, как встретит Никодима, поклонится ему низко и скажет важно: “Слышал ли, болтливая кума молчать решила да вдруг залаяла?” — и залется лаем. “Подь ты совсем!” — злился про себя Никодим, но обета своего не нарушал.

Блаженный Савва был прозорливцем, к его речам всегда прислушивались. “Это он меня так испытывает, — думает Никодим, — а всё равно молчать буду. Господь для смирения мне его посылает”.

И вдруг однажды пришла иноку в голову великая мысль, такая важная, что грех не поведать её миру.

“Я, — думает Никодим, — только одному монаху её скажу, а потом опять молчать буду. А то вдруг я умру завтра, и не узнает никто о великой истине, которую мне Господь открыл молчания моего ради”.

Побежал он к своему сопостнику Симону:

— Симон, пришла ко мне великая мысль, чтоб передать её, нарушаю я обет молчания, запомни её крепко, я потом опять молчать начну. Мысль сия такова: “Если хочешь спастись, то будь мёртв, не принимая ни бесчестия человеческого, ни чести”.

Улыбнулся Симон и говорит:

— Это не твоя мысль, а Макария Великого.

Достал книгу и показал Никодиму эти слова Макария в его сочинениях.

— Как же так, — сокрушался иннок чуть не до слёз, — она мне в голову пришла, ради неё я обет молчания нарушил.

Пошёл он в унынии в свою келью. Встречу ему блаженный Савва идёт.

— Отче Савва, всё ты про меня знал наперёд. Клушка я и есть. Думал, что великая мысль ко мне пришла, ради неё нарушил обет молчания, а мысль эту давным-давно Макарий Великий высказал.

На сей раз Савва не стал подсмеиваться над Никодимом.

— Не печалься, брате, — говорит он, — рано ты за этот трудный подвиг взялся.

— Но ведь старец Паисий уж третий год молчит да благодать стяжает.

— Повод к молчанию у вас разный. Паисий молчит потому, что ему уже нечего сказать. Уразумел он, что истина глубже слов. А ты взялся молчать оттого, что ещё нечего сказать. И вдруг — на тебе! — мысль появилась. Испытание это было. Не гордись, Никодим, трюнди покуда.

Молчание — это речь Бога, далеко нам до него.

Усердную женщину благословили служить в церкви на свечах. Во время службы она стояла у подсвечников, убирала сторевшие свечи, счищала капли воска, тёрла пол. Работала она с большим радением и ничего не хотела от своей службы получить, только молила Бога об одном: чтоб сподобил её Господь увидеть Ангела небесного. Всякое служение начинала она с молитвы, молитвой заканчивала и всегда в конце молитвы добавляла: “Господи, сподоби меня, грешную, увидеть Ангела Твоего благого”.

Подходили к ней люди, спрашивали, куда свечку поставить, как молиться перед образом, какой святой поможет им в таком-то деле. Поначалу, пока она не шибко истово служила, подробно объясняла людям, куда свечи ставить, как молиться. А потом решила, что разговоры эти отвлекают её от служения и непрестанной молитвы. Спросят её, она головой тряхнёт, рукой махнёт и дальше с усердием свою работу делает и молится. А потом уж и слышать никого не слышала, видеть не видела — так истово делу своему служила, молитвы шептала. И подсвечники у неё всегда в полном порядке — чистотой сияют. Люди к ней уже перестали подходить — знают, что недосуг ей разговоры вести, что великая она молитвенница и праведница.

И вот однажды стояла она, как обычно, у своего подсвечника, тёрла, скребла, молилась. Вдруг кто-то её легонько тронул за плечо, женщина и не подумала повернуться. “Клавдия, Клавдия!” — тихо окликнул её голос. Женщина ничего слышать не хотела — она никогда не отвлекалась от своего служения, не прерывала молитву.

А если б она обернулась, то увидела бы, что за спиной её стоял Ангел Господень. Это он коснулся её плеча и позвал по имени. Но Клавдии недосуг было отвлекаться на всякий зов.

Посмотрел Ангел с грустью на женщину, взмахнул крыльями и растаял в золотом сиянии.

НЕВСТРЕЧА

Зиновия уверовала в Бога. Она молилась дома и никак не могла решить пойти в храм, робела. Но слышала она, что храм — тело Христово, и там все истинно верующие в великом благолеии пребывают.

И она решила пойти в Церковь. В воскресный день Зиновия принарядилась и, волнуясь, отправилась в храм на встречу со Спасителем. В притворе купила свечи и несмело переступила церковный порог. Солнечный свет стоял под куполом, золотые блики играли на иконостасе, на строгих ликах святых.

Зиновия потянула тонкую свечку к подсвечнику.

— Стой! Стой! — схватила её руку послушница, стоящая на свечах, и суровым взглядом окинула Зиновию. — Сейчас нельзя свечи ставить. Не слышишь, что ли, шестопсалмие читают! Все свечи погашены!

Зиновия в замешательстве отступила от подсвечника. Она долго держала свечи в руках, не решаясь больше подойти к подсвечнику, свечи расплавились в её ладонях. Зиновия смяла их в кулачке.

Женщина отошла в сторонку, встала у столпа и стала внимать молитвенному пению. Вдруг кто-то сзади больно дернул её за волосы:

— Почему голову платком не покрываешь?

Зиновия в растерянности оглянулась: перед ней стояла сторбленная старуха с клюкой и злобно выговаривала:

— Пришла в святую Церковь, как на рынок.

— Бабушка, я не знала, что надо платок надевать, я первый раз в храм пришла, — чуть не плача оправдывалась Зиновия.

Закончилась служба, прихожане потянулись к амвону, где стоял батюшка с крестом. Все подходили по очереди и целовали крест и руку батюшки.

— Спаси, Господи, — говорил он каждому.

Зиновия пристроилась в конец очереди.

Когда она подошла ко кресту, батюшка вдруг помрачнел и отвёл крест от её губ:

— Как ты покрашенными губами будешь животворящий крест целовать? — с укоризной произнёс он.

Зиновия повернулась и вышла из храма, роняя слёзы.

“Как же так? Шла на встречу с Богом, а встретилась с недобрыми старухами и какими-то пунктами...”

С иконостаса вслед ей с любовью смотрел босой Бог.

БОГАТЫЙ ГРЕШНИК

Один богач, ленивый и несклонный к исправлению грехов и молитве, пришёл в монастырь к игумену и говорит:

— Я вашу обитель достойно награжу, коли дадите вы мне, владыка, самого лучшего молитвенника и прозорливца, чтобы он все мои грехи распознал и замолил их.

— Как же я вам его дам? — удивился владыка.

— Пусть он у меня с месяц поживёт, мои грехи все узрит, запишет, да и потом отмаливает их. Спасение души — дело богоугодное, верно, владыка.

Подумал игумен и согласился, дал богачу прозорливого молитвенника.

Приехали они в дом богача. Тот ему и говорит:

— Ты везде за мной ходи, что увидишь неправильного и грешного, записывай. Вечером показывай мне мои грехи. А потом проси у Господа за меня прощения, отмаливай.

Праведник так и делал: все грехи записывал и вечером показывал хозяину. Несклько листов были исписаны грехами.

— Что-то слишком много грехов получается у меня, — злился богач, — и то грешно, и это грешно.

— Да, так оно и выходит, — отвечал праведник.

— Ты как-нибудь там короче пиши, без фанатизма, а то ведь игумен не похвалит тебя за то, что обитель ваша щедрой награды лишится.

На следующий вечер богач спрашивает:

— Много сегодня понаписал?

— Да нет, один грех только.

Богач обрадовался:

— Ну, покажи!

— А вот:

“День прожит во грехе”.